

МЕТАФОРА В ДИСКУРСИВНОЙ ПОЭТИКЕ АРПАДА КОВАЧА

Ангелика Молнар

PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета (Венгрия)

e-mail: manja@t-online.hu

Аннотация. Статья дает обзор основных теоретических и методологических положений дискурсивной поэтики и указывает на ключевую роль метафоры в рамках данной концепции. Тема рассматривается на материале многолетних исследований основателя будапештской школы дискурсивной поэтики Арпада Ковача, который предложил оригинальные разработки интегративного анализа от знака к жанру при обращении к классическим текстам русской, венгерской и западноевропейской литературы. В противоположность спектру лингвистических, философских и эстетических определений метафоры, Ковач дополняет и развивает поэтологическую традицию метафороведения и демонстрирует многоаспектный феномен метафоры на примере анализа и интерпретации художественных текстов. Метафора в дискурсивной поэтике Ковача демонстрирует органическую связь поэтики и экзистенциальной сферы жизненного опыта. Приводятся введенные или переосмысленные Ковачем понятия «интонационная метафора», «экзистенциальная метафора», «метафорическая дигрессия» и др.

Ключевые слова: теория метафоры, дискурсивная поэтика, Арпад Ковач, интонационная метафора, экзистенциальная метафора, метафорическая дигрессия, «Записки из подполья».

Дискурсивная поэтика – подход, предложенный известным ученым-руси́стом профессором Арпадом Ковачем и активно разрабатываемый представителями будапештской школы, возглавляемой им на протяжении последних 25 лет. Значительный вклад ученого, недавно отметившего пятидесятилетний юбилей своей исследовательской деятельности, должен быть осмыслен в контексте органичного единства теоретических наблюдений и живой практики интерпретации художественного текста. В этом отношении особо значимо место метафоры в дискурсивной поэтике Арпада Ковача.

Первой научной работой ученого была магистерская диссертация «Поэтическая идея и поэтика формы романа “Идиот”», посвященная нарратологическому исследованию романа Ф.М. Достоевского. В состав его первой книги, основанной уже на кандидатской диссертации и опубликованной в 1985 г. под заглавием «Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра» [Ковач 1985], также вошли интерпретации романов «Преступление и наказание» и «Бесы». Анализ текстов базировался на выявлении концепции сюжета, специфики текстовой наррации, функционирования художественной детали и, наконец, жанровых особенностей произведений. В процессе этой работы Ковач постепенно обратился к субъекту рассказа и письма, что и перенесло центр его внимания на проблемы дискурса, которые впоследствии изуча-

лись им на материале классики западноевропейской и русской литературы. Ученый активно вводил в свою методологию принципы герменевтики и семиотики, в том числе идеи прочтения текста с позиций интертекстуальности и мифопоэтики. Он систематически исследовал научные основы филологического, лингвистического, поэтического и дискурсивного понимания слова и пришел к формированию концепции становления слова и субъекта дискурса [Kovács 1999]. Эта проблематика легла в основу его второй книги «Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский», вышедшей в 1994 г. [Ковач 1994].

Преподавательский и исследовательский труд Ковача имел огромное значение для создания поэтологической школы в Будапеште. Основы ее теории были сформулированы в отдельных работах ученого и получили свое обобщение в книге «Дискурсивная поэтика», вышедшей на венгерском языке [Kovács 2004]. Ученики профессора, ныне преподаватели венгерских университетов Каталин Кроо, Каталин Ситар, Геза Хорват, Жофия Силади, Золтан Херманн и многие другие, проводили имманентный анализ художественных текстов, а затем их интерпретацию, ориентированную на выявление экзистенциального смысла художественной концепции. Дискурсивная поэтика Ковача обрела сторонников и последователей в кругах ведущих русистов и теоретиков литературы.

Значительное место в ней занимает теория метафоры.

Понятие метафоры и ее определение имеет богатую научную традицию. Предложены разнообразные типологии и классификации метафоры на основе выделения функций, а также семантики и структуры тропа [Рыньков 1975; Москвин 1997; Петрова 1989; Кожевникова 2009]; метафоры анализируются со стороны объекта и языковых средств, учитывается их онтологический статус в картине мира и особенности употребления [Левин 1965; Телия 1988; Арутюнова 1999] и т. д. В рамках данной статьи мы ограничимся лишь тем подходом к метафоре, который имеет первостепенное значение при анализе поэтических текстов, – дискурсивной поэтикой Арпада Ковача, которая предполагает интегративный принцип в проведении литературоведческих исследований.

Глубоко прочитанные и оригинально преломленные в собственной концепции теории метафоры и философии языка (в том числе труды Аристотеля, Э. Кассирера, Э. Бенвениста) приобрели особое значение для развития дискурсивной поэтики Ковача. Положения ученого особенно актуальны сегодня, когда когнитивно-лингвистические описания метафоры начинают вытеснять исследования ее роли в поэтике и семантике текста. Между тем тезис о нарушении норм употребления языка и преобладание прагматического аспекта в человеческой коммуникации могут

казаться неудовлетворительными в случае поэтических произведений.

Неожиданность алогических связей поэтической метафоры раскрывается Ковачем не только в рамках предложения или узкого контекста (ср. у М. Блэка [Блэк 1999]), в предикации или же интеракции двух несогласованных мыслей в одном выражении (ср. у П. Рикёра [Рикёр 1999a]). Поэтическая метафора, предложенная Ковачем, отличается от семантической метафоры, которая оказывает воздействие своей новизной посредством сдвига лишь в значении (ср. у П. Рикёра [Рикёр 1999b]). Ученый указывает и на образование новых знаков, и на развертывание нового значения и на смыслопорождающую роль метафоры в тексте как целом. Ученый добавляет к семантической реактивизации всех трех компонентов языкового знака, представленной А.А. Потебней [Потебня 2003], и то, что изменение конвенциональной семантики слов порождается в языковой презентации высказывания (в дискурсе). Таким образом происходит актуализация метафорической полисемии слова и выявляется новый общий признак между текстовыми объектами, объединенными темой высказывания. Следовательно, под метафорой можно понимать словесную единицу текста, ставшую компонентом метафорического словосочетания, сближающего отдаленные понятия, и создающую целостность поэтического текста. Дискурсивная поэтика демон-

стрирует поэтическую функцию метафоры на уровне дискурса, а не отдельного слова или предложения, а значит, не просто как функцию аналогии, сопоставления, замещения или семантического взаимодействия, а в рамках текстопорождения, свершающегося в неповторимом акте высказывания. Подчеркнем, что семантическая инновация слова и высказывания интегрируется в дискурс как целостное личное высказывание. Ученый рассматривает это на материале различных литературных видов и жанров, показывая, каким потенциалом обладает метафоризация в качестве фактора жанрообразования. В стихотворениях нагляднее наблюдать эти особенности, исходя из составляющих слова.

Ковач подчеркивает, что в повествовательном тексте необходимо также раскрыть двойственную взаимосвязь между нарративом и метафоризацией. Ученый обращает внимание на кризис нарратива, возникающий в связи с возрастающей функцией метафор и развертывания нового слова с инновативной семантикой; при этом сюжет, который ответственен за формирование событийного ряда, в свою очередь, тематизирует семантику этого слова. К примеру, в интерпретации «Записок из подполья» процесс становления субъекта текста рассматривается им параллельно построению новых, личных метафор (см. *письмо* и *снег*). В этом плане говорится уже не о герое, а о субъекте, обо-

значивающем свои поступки [Kovács 19856]. Смысл, ступенчатый в слове о поступке, развертывается в тексте в целом. Семантические инновации, согласно дискурсивной поэтике, находятся в постоянном становлении, в историю которого включается также и акт чтения. Ковач уникальным образом вычитывает из рассказа «по поводу мокрого снега» новые метафоры, семантическую модель «тоски», коренящейся в поступке.

Кроме того, контекстом для анализа и интерпретации метафор Ковач берет все творчество писателя или поэта. Таким образом описаны индивидуально-авторские метафоры. Изучение интертекстуального плана произведений также углубляет их толкование. На основании же онтологической роли совершаемого действия венгерский ученый выдвигает один из своих ключевых тезисов – потребность нового называния, смысла и создания нехватящего в речи слова, – это результат, который потом становится частью культуры. Однако в этом отношении можно говорить только о поэтологической, а не философской направленности теории Ковача, ибо любой предмет его исследования, в том числе и метафора, освещен только как явление литературы [Kovács 1994]. В качестве наглядного представления своих положений Ковач анализирует инновативные метафоры, которые лежат в основе таких неповторимых литературных шедевров, как «Медный всадник» Пушкина.

Краткое изложение анализа, выполненного ученым, позволит нам показать определение им метафорических конструкций [Kovács 2015]. Ковач переосмысливает как понятие «экзистенциальной метафоры», исходя из положений Н. Фрая [Kovács 2012], так и уникальное металингвистическое (обоснованное М.М. Бахтиным) образование «интонационной метафоры» [Kovács 2017]. Метафора в литературном тексте определяется им в плане ее начальной формы – языковой метафоры, основанной на порождении новых знаков, которые могут быть найдены в микроэлементах текста, звукобуквенных знаках, интонации, и из которых, согласно упомянутым работам Ковача, выстраивается целостный текст и связанная с ним концепция авторского смысла. Этот процесс можно представить и как взаимодействие уровня собственно языковой репрезентации и уровня семантики: языковая метафора предполагает семантическую, которая, в свою очередь, влияет на выявление новых знаков в тексте.

В тексте поэмы Пушкина встречаются так называемые отступления в тех местах сюжета, где обнаруживается кризис повествовательной речи, например, в эпизоде с Невой. В этой связи Ковач вводит термин «метафорической дигрессии» [Kovács 2015]. Нехватка нарративного текстопорождения восполняется в подобных отступлениях метафорической моделью субъекта речи, свидетельствующей о «кризисе автора» как персонального

субъекта рассказывания. Как убедительно демонстрирует ученый, в поэтических текстах тропы, возникающие в таких местах, создают не декоративные описания природы, а приводят к сдвигу семантики на ином уровне: так, накатывающиеся волны Невы, подобно думам людей, влекут за собой катастрофу.

Метафорическая дигрессия транспонирует смыслопорождение на интонацию маленького героя («Ужо тебе!»), обращаясь к рассказчику. Его личный голос и побуждающая позиция будто маскирует потребность рассказчика самому оформить и понять свою историю. Интонационная метафора служит осмыслению единичного сюжетного поступка, тематизированного в произведении, и конкретизирует новые семантические единицы. Так, языковая презентация свидетельствует о том, как неповторимый поступок в свете личного высказывания оказывается потенциальным текстом. Во-первых, в действии в сюжете поэмы «Медный всадник» герой думает думу – в маленьком, личном масштабе по сравнению с масштабностью планов государственного деятеля, Петра Первого, однако и то, и другое сокрушается в результате вторжения природы в человеческий мир («ужас»). Во-вторых, в наррации отмечается, как в голос Евгения вторгается шум волн реки. На дискурсивном уровне же мысли героя метафоризируются волнами («ужасные»). Обозначение этого кризиса ис-

следователь выявляет в трансфигуциях слова «ужас» («ужо») в речи героя, в наррации и дискурсе. Эти инстанции героя, рассказчика и так называемого автора при анализе четко отделены друг от друга (см. на примере «думы / волны / рифмы»), так же, как и речь героя, компетенция рассказчика и дискурс поэмы, имеющий свой субъект. Ученый дополняет эти наблюдения указанием на транспонирование языковой и семантической инновации в сюжет и обратно: диспозиция претворяется в акт письменной презентации, семантического осмысления поступка и, в результате, «мысленного сдвига от тоски к ужасу» [Kovács 2015].

Однако метафора не только участвует в моделировании смыслов сразу на нескольких уровнях поэтического текста. Она вступает во взаимодействие с перволичным повествованием и дискурсом, в том числе на уровне жанрового многоголосия прозы. Выводы ученого касаются как субъекта мира произведения, так и, в идеальном случае, – его реципиента, ибо для Ковача ключевым моментом является личное текстопорождение, вызывающее к интерпретации, диалогу с читателем. От глубокого постижения самого себя как личности к речевому высказыванию на письме происходит становление субъекта дискурса, ответственного за превращение звуковых сочетаний в текст, который постепенно открывает в себе новые связи между знаками и новые смыслы. Мис-

сия ученого – в создании своего собственного толкования – «ответном» переводе опыта чтения в личный акт письма, в разработке теории дискурсивности.

Диалогичность, которую М.М. Бахтин обнаруживает во всем бытии, согласно Ковачу, проявляется в литературе и в том, как основной поступок поэмы и текст о нем становятся поэтическим «ответом» на творческий акт Петра Первого. Таким образом самый масштабный уровень осмысления литературного текста ученым осуществляется в плане «бытия», т. е. присутствия в мире. Термин Ковача «бытие смысла» определяет феномен, развертывающийся в литературных произведениях. Здесь ученым вводится еще одно понятие: на уровне сюжета в некоторых произведениях возникает момент «прозрения» героя, который неотделим от потребности акта письма. Это наблюдение составляет особый вклад дискурсивной поэтики в литературоведение. Ковач детализирует, как транспонируется кризис жизни в прозрение, а на уровне дискурса, в акте писания – в потребности смены слова в высказывании. Сам момент «прозрения» вызывает вопрос об «экзистенциальной метафоре» (метафоре, создающей присутствие человека в бытии), которая также органично возникает из интерпретации текста (см. в «Медном всаднике»: «топот – стопы»). Так, на уровне сюжета о «прозрении» героя его думы подобны волнам и воплощают жизненный кризис, а на

более высоком уровне – сами рифмы своеобразно манифестируют кризис речи.

Венгерский ученый не ограничивает свое исследование единичным, замкнутым на себе самым литературным текстом. Он убедительно раскрывает тесную взаимосвязь различных произведений одного автора (см. работы о пушкинских «Евгении Онегине», «Осени», «Элегии»). Следовательно, Ковач дополняет горизонт интерпретации совершенно новыми аспектами. Так, он возводит мотив маленького человека к теме становления Поэта, что получает подтверждение в авторском кредо Пушкина: волнение должны сменить покой и наполненность. В этой связи ученый демонстрирует, как поступок героя уподобляется в высказывании (на уровне текста «бег» персонажа уподобляется «бегу» рифм) акту письма, связывая предмет высказывания с его формой, означающее с означаемым (см. перо и имя героя). Особенно плодотворным и оригинальным в этой концепции представляется соотнесение текстовой метафоризации с актом письма, то есть присвоение нового смысла посредством дискурса («пробуждение поэзии» как побег). Таким образом, детально и многосторонне прослеживается переход от поступка-акта к знаку и обратно (см. также метафору письма как акта письма).

В этой связи вернемся к фундаменту метафоры. Согласно основам семантического подхода к метафоре (акцент на изменении

значения), действенным типом катахрезы становится образование вторичного значения слова или перенос значений иных слов. Ковач же говорит о катахрезе как о «зерне метафоры», звуковой метафоре, из которой она в дальнейшем развивается. Еще до предикативного метода опознания этого тропа дискурсивная поэтика обращает внимание на функцию рифм, имеющих значение для семантики целого («волн» / «полн»). В итоговых размышлениях о «фундаментальной метафоре» поэмы Ковач связывает «волну» с «полнотой», которая функционирует как как языковая, так и как семантическая метафора, связывая литературный текст в единое целое и управляя его смыслопорождением.

Итак, начиная с микроэлементов текста – «интонационной метафоры» (волн / полн / челн) и инновативной семантики – и завершая жанровыми и внетекстовыми характеристиками (см. интертекстуальные и претекстуальные значения слова «медный»), Ковач последовательно анализирует все уровни текста. Результатом применения дискурсивной поэтики становится новая интерпретация поэмы, никогда ранее не разрабатываемая в пушкинистике.

Дискурсивная поэтика исследует модальность, воплощенную в звуке, слово как языковой знак, обретающий затем новый смысл в высказывании, тематизацию метафор в сюжете, их роль в композиции текста, в соотношении наррации и дискурса, а также в нюан-

сировке вопроса субъектности. Кроме того, подход предполагает важным включение аспектов герменевтического анализа онтологического и рецептивного опыта читателя. Дискурсивная поэтика, выводящая метафору в поэтических текстах в центр комплексного рассмотрения, существенно расширяет границы ее теоретического осмысления и позволяет на практике продемонстрировать ее ключевую роль в создании целостной интерпретации художественного текста.

Литература

- Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека: Языковая метафора (синтаксис и лексика). Москва: Яз. рус. культ, 1999.
- Блэк, М. Метафора // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной, пер. с англ. М.А. Дмитриевской. Москва: Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Ковач, А. Память как принцип сюжетного повествования. «Записки из подполья» Достоевского // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. № 16. С. 81–97.
- Ковач, А. Персональное повествование. Пушкин. Гоголь. Достоевский // Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Herausg. von Wolf Schmid. Band 7. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang, 1994.
- Ковач, А. Персонализм литературной антропологии Михаила Бахтина (От феноменологической эстетики к поэтике прозы). Russian Literature. 2012. LXXII-I. С. 1–44.
- Ковач, А. Дискурс, рассказ и троп. («Покой» в творчестве Пушкина) // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тютюпы / под ред. О.В. Федунинной и Ю.Л. Троицкого. Москва: Intrada, 2015. С. 336–349.
- Ковач, А. О поэтических фигурах кореллеренций в русской литературе XIX века // Голоса русских филологов из Будапешта. Литературоведение и языкознание на Кафедре русского языка и литературы Университета им. Лоранда Этвеша / под ред. К. Кроо и Е. Бона. Будапешт: Патриа, 2018. С. 95–117.
- Кожевникова, Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. Москва: Знак, 2009.
- Левин, Ю.И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2. С. 293–299.
- Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград: Перемена, 1997.
- Петрова, З.Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. Москва: Прогресс, 1989. С. 120–133.
- Потебня, А.А. Теоретическая поэтика. Москва-Санкт-Петербург: Академия, 2003.

Рикёр, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской, пер. с англ. М. М. Бурас и М.А. Кронгауза. Москва: Прогресс, 1990а. 416–434.

Рикёр, П. Живая метафора // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской, пер. с англ. А. А. Зализняка. Москва: Прогресс, 1990б. С.435–455.

Рыньков, Л.Н. Типы метафорических словосочетаний в языке художественной литературы // Русский язык в школе. 1975. № 1. С. 63–64.

Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. Москва: Наука, 1988. С. 173–203.

Kovács, Á. (1999). A szó diszkurzív poétikája [The discursive poetics of the word]. *Helikon. Irodalomtudományi szemle: A szó poétikája* [Helicon. Literary review: Poetics of the word], 1–2, 5–35.

Kovács, Á. (2004). *Kovács Árpád. Diszkurzív poétika*. [Árpád Kovács. Discursive poetics]. Budapest: Argumentum.

Kovács, Á. (2017). Mi az egzisztenciális metafora? [What is an existential metaphor?]. *Literatúra* [Literature], 2, 95–114.

La métaphore et l'identité générique (L'actualité de Northrop Frye) = Genres et identité dans la tradition littéraire européenne. *Orizons, Comparaisons*, Paris. 49–62.

References

Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka: yazykovaya metafora (sintaksis i leksika)* [Language and the human world: language metaphor (syntax and vocabulary)]. Moscow: Yaz. rus. kul't.

Black, M. (1990). Metafora [Metaphor]. In N.D. Arutyunova, & M.A Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [The theory of metaphor] (M. A. Dmitrovskaya, Trans.). Moscow: Progress, 153–172.

Kovács, Á. (1985). Pamyat' kak printsip syuzhetnogo povestvovaniya. «Zapiski iz podpol'ya» Dostoyevskogo [Memory as a principle of storytelling. “Notes from the underground” by Dostoevsky]. *Wiener Slawistischer Almanach* [Viennese Slavic Almanac], 16, 81–97.

Kovács, Á. (1994). Personal'noye povestvovaniye. Pushkin. Gogol'. Dostoyevsky [Personal narrative. Pushkin. Gogol'. Dostoevsky]. In W. Schmidt (Ed.), *Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen* [Slavic literatures. Texts and treatises] (Vol. 7). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang.

Kovács, Á. (1999). A szó diszkurzív poétikája [The discursive poetics of the word]. *Helikon. Irodalomtudományi szemle: A szó poétikája* [Helicon. Literary review: Poetics of the word], 1–2, 5–35.

Kovács, Á. (2004). *Kovács Árpád. Diszkurzív poétika*. [Árpád Kovács. Discursive poetics]. Budapest: Argumentum.

Kovács, Á. (2012). Personalizm literaturnoy antropologii Mikhaila Bakhtina (Ot fenomenologicheskoy estetiki k poetike prozy) [Personalism of Mikhail Bakhtin's literary anthropology (From phenomenological aesthetics to prose poetics)]. *Russian Literature*, LXXII-I, 1–44.

Kovács, Á. (2015). Diskurs, rasskaz i trop. («Pokoy» v tvorchestve Pushkina) [Discourse, story and trope. (“Peace” in the works of Pushkin)]. In O. V. Fedonin, & Y. L. Troitskiy (Eds.), *Dialog soglasiya: sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu V.I. Tyupy* [A dialogue of consent: collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V. I. Tupy]. Moscow: Intrada, 336–349.

Kovács, Á. (2017). Mi az egzisztenciális metafora? [What is an existential metaphor?]. *Literatúra* [Literature], 2, 95–114.

Kovács, Á. (2018). O poeticheskikh figurakh koreferentsiy v russkoy literature XIX veka [On the poetic figures of koreferences in the Russian literature of the XIX century]. In K. Kroo, & E. Bon (Eds.), *Golosa russkikh filologov iz Budapeshta. Literaturovedeniye i yazykoznaniye na Kafedre russkogo yazyka i literatury Universiteta im. Loranda Etvesha* [Literature and linguistics at the Department of Russian language and literature of the University named after Lorand Etvesha]. Budapest: Patria, 95–117.

Kozhevnikova, N.A. (2009). *Izbrannyye raboty po yazyku khudozhestvennoy literatury*

[Selected works on the language of fiction]. Moscow: Znack.

Levin, Yu. I. (1965). Struktura russkoy metaforoy [Structure of the Russian metaphor]. In *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems] (Vol. 2). Tartu, 293–299.

Moskvin, V.P. (1997). *Russkaya metafora. Semanticheskaya, strukturnaya, funktsional'naya klassifikatsiya* [Russian metaphor. Semantic, structural, and functional classification]. Volgograd: Peremena.

Petrova, Z. Yu. (1989). Regulyarnaya metaforicheskaya mnogoznachnost' v russkom yazyke kak proyavleniye sistemnosti metaforoy [Metaphoric regular polysemy in Russian language as a manifestation of systemic metaphors Problems of structural linguistics]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1985–1987* [Problems of structural linguistics. 1985–1987]. Moscow: Progress, 120–133.

Potebnya, A.A. (2003). *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow, St. Petersburg: Akademiya.

Ricoeur, P. (1990a). Metaforicheskiy protsess kak poznaniye, voobrazheniye i oshchushcheniye [Metaphorical process as cognition, imagination and feeling]. In N.D. Arutyunova, & M.A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metaforoy* [The theory of metaphor] (M.M. Buras & M.A. Krongauz, Trans.). Moscow: Progress, 416–434.

Ricoeur, P. (1990b). Zhivaya metafora. [Live metaphor]. In N.D. Arutyunova, & M.A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metaforoy* [The theory

of metaphor] (A.A. Zaliznyak, Trans.) Moscow: Progress, 435-455

Ryn'kov, L.N. (1975). *Tipy metaforicheskikh slovosochetaniy v yazyke literatury* [Types of metaphorical phrases in the language of fiction]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 1, 63–64.

Teliya, V. N. (1988). *Metaforizatsiya i yeye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization

and its role in the creation of a language picture of the world]. In B.A. Serebrennikov (Ed.), *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language. Language and picture of the world]. Moscow: Nauka. 173–203.

La métaphore et l'identité générique (L'actualité de Northrop Frye) = Genres et identité dans la tradition littéraire européenne. *Orizons, Comparaisons*, Paris. 49–62.

METAPHOR IN DISCURSIVE POETICS OF ÁRPAD KOVÁCS

Angelika Molnár, PhD (Philology), Associate Professor at The University of Debrecen (Debrecen, Hungary); e-mail: manja@t-online.hu.

Abstract. The article provides an overview of the main theoretical and methodological premises of discursive poetics and indicates the key role of metaphor in this analytical and interpretive frame. The topic is delivered on the basis of a long-term research of Árpád Kovács who proposed an original integrative analysis (from sign to genre particulars) when referring to the classic texts of Russian, Hungarian and Western European literature. He is also known as the founder of the Budapest school of discursive poetics. In contrast to the range of linguistic, philosophical and aesthetic definitions of metaphor, Kovács complements and develops the poetical tradition of metaphor studies and demonstrates the multidimensional phenomenon of metaphor by analyzing and interpreting literary texts. The metaphor in Kovács's discursive poetics demonstrates the organic connection between poetics and the existential sphere of life experience. The article gives a set of concepts such as "intonation metaphor", "existential metaphor", "metaphorical digression", which were introduced or reinterpreted by Kovács.

Key words: metaphor theory, discursive poetics, Árpád Kovács, intonation metaphor, existential metaphor, metaphorical digression, "Notes from the Underground".

